

Катя Туляева

БУМАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Катя Гуляева

Бумажное сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851530

SelfPub; 2023

Аннотация

История начинается поздно вечером, когда мальчик Лаврик теряется в лесу и попадает в необычный дом, в котором обитают странная девочка-кукла Эльми, снежный барс Ирбис с часами вместо сердца и пёсик Булавка. По просьбе Ирбиса Лаврик отправляется в таинственный кукольный театр мадам Трюффор, чтобы помочь Эльми. Однако он не подозревает, что ему предстоит спасти не только куклу, но и своих друзей, не потеряв самого себя.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

56

Катя Гуляева

Бумажное сердце

Часть I.

Глава 1. Лаврик заблудился

– Долго ты ещё будешь там копать, Лаврик? – в который раз спросила Рита.

– Ещё секундочку, – пропыхтел Лаврик. Он стоял на коленках, согнувшись в три погибели, и изучал в лупу крошечный голубенький цветок.

– Я уже устала ждать, – капризно пропищала низенькая Анютка. Её безжалостно кусали комары.

– Да, нам следовало бы поторопиться, скоро совсем стемнеет, – предостерёг Рома.

Они уже три с половиной часа бродили по лесу. Лаврик поминутно останавливался и с криком: «Какой интересный экземпляр!» припадал к земле. Никто из троих друзей не разделял его энтузиазма.

«И зачем только мы вообще взяли с собой этого юного натуралиста?» – думал каждый про себя.

– Ты идёшь или нет? – нетерпеливо спросила Рита. По телевизору вот-вот должна была начаться любимая телепере-

дача, которую девочка ну никак не могла пропустить.

– Ещё чуть–чуть, – умоляюще поднял на неё глаза Лаврик и полез в сумку за фотоаппаратом.

– Ты нас совсем с ума сведёшь! – проворчала Анютка. У неё ужасно замёрзли ноги.

Рома внимательно изучал небо. Сумерки сгущались всё сильнее, над лесом нависли предгрозовые тучи.

– Нужно спешить, в любой момент может начаться дож... Договорить он не успел – на полуслове его прервал раскат грома.

– Вы идите вперёд, я вас догоню, – сказал Лаврик, торопливо доставая блокнот и карандаш. – Хочу сделать набросок.

– Ты уверен? – уточнил Рома. Ему на лоб уже упала первая капля.

– Не потеряйся только, одуванчик, – хихикнула Рита, надевая на голову капюшон. Анютка, у которой капюшона не было, бросила короткое «Догоняй» и поспешила вслед за друзьями.

Лаврик ещё некоторое время слышал удаляющиеся шаги, потом они потонули в раскатах грома. Эскиз всё никак не получался. Не удавалось передать всю тонкость голубых лепестков. От напряжения слезились глаза, но он этого не замечал. Начался дождь, темнота сгущалась. Лаврик очнулся, когда несколько крупных капель упали на блокнот, слегка замочив рисунок. Он огляделся вокруг. На лес опустилась предночная мгла, поглотив и голубенький цветок, и тропин-

ку, по которой они шли сюда. Лаврик встал с колен, растерянно озираясь. Он не знал даже, в какую сторону ему идти. Дождь неистово хлестал по лицу, мир за стёклами очков стал зыбким и нереальным. Лес сдавался темноте.

Лаврик сунул блокнот в карман и снял очки, чтобы протереть их, но они вдруг выскользнули у него из рук. Он попытался на ощупь найти их в мокрой траве. Под ногой что-то хрустнуло. Очки! Они были безнадежно сломаны.

Вытянув вперёд руки, он начал наугад продвигаться по лесу. Если бы только у него был фонарь! Но он думал, что вернётся домой затемно, и новенький фонарик, подаренный дедушкой, остался лежать в ящике стола.

Изредка дорогу освещали вспышки молний, и Лаврик видел вокруг мрачные силуэты деревьев. Их мокрые ветви были похожи на чёрные крылья, и мальчику казалось, что с каждым разом они подступают всё ближе. Молнии пугали Лаврика – он не мог отделаться от впечатления, что сам стал экспонатом, и теперь кто-то сверху фотографирует его на свою небесную камеру.

Он не знал, сколько времени вот так, вслепую, шёл по лесу. Волосы прилипли ко лбу, вода струями текла по лицу. В довершении всего Лаврик споткнулся о мокрый корень и растянулся на влажной прошлогодней листве. Мальчик сел, прижавшись спиной к холодному стволу дерева, и закрыл глаза. Какой толк идти в никуда? Ему никогда не найти дорогу домой без компаса и фонаря. А без очков он и вовсе

беспомощен! Он подумал о друзьях. Где они сейчас? Ищут его или сидят в тепле, наслаждаясь чашкой горячего какао? Вспомнив о любимом напитке, мальчик чуть не расплакался. Нет, нужно продолжать идти, так можно хоть куда-то добраться. Сидеть под деревом и ждать неизвестно чего – это не выход.

В этот самый миг до него донёлся звук. Шаги! Кто-то шёл по лесу, в его сторону! Наверное, это друзья! Они не могли оставить его в беде! Лаврик вскочил на ноги и взгляделся в темноту, туда, откуда слышался шорох шагов по влажной траве.

Глава 2. Красный зонт

Там был огонёк. Сначала совсем крошечный, не больше монеты, но с каждой секундой он рос и распускался, как бутон экзотического цветка. Потом Лаврик заметил что-то огромное и красное, что плыло над огоньком, но как ни напрягал глаза, не мог понять, что же это такое. Когда огонёк приблизился почти вплотную, мальчик чуть ли не вскрикнул от изумления. К нему по темноте плавно двигался красный зонт.

«Нет, это не ребята», – только и успел подумать Лаврик.

Под зонтом шла девочка. Лаврик что есть силы прищурился, чтобы разглядеть её получше. Девочка была примерно его возраста, но он никогда её раньше не видел – ни в

школе, ни на городских праздниках.

«Почему она в пальто, лето же на дворе», – удивился мальчик. И правда, на девочке было голубое пальто, из-под которого выглядывал кусочек нарядного атласного платья. По бокам болтались варежки на резинке. На ногах у девочки были белые гольфы и лаковые туфельки. Голову украшала маленькая шляпка, из-под которой выбивались тёмные кудряшки.

«Может, она с маскарада возвращается», – пришло в голову Лаврику. Его предположение подтверждал старомодный фонарь со свечой внутри, который девочка держала в руке.

– Я заблудился, – признался Лаврик, когда она поравнялась с ним. – Ты не знаешь, в какой стороне город?

Девочка не ответила. Она даже не подняла на него глаз, словно не слышала вопроса. Не остановилась. Даже не замешкалась на миг. Лаврика пронзило неестественное чувство отсутствия. На долю секунды ему показалось, что он призрак. Однако он тут же отбросил эти мысли. «Просто невоспитанная девчонка», – с обидой подумал он. Мальчику не хотелось навязываться, но он признал, что в его положении другого выхода нет. Он бросился вслед за девочкой.

– Подожди! – взмолился Лаврик. – Ты моя последняя надежда!

Но девочка упрямо шла вперёд. Казалось, она не слышала криков. В конце концов, Лаврик отчаялся и просто молча пошёл за незнакомкой. «Может, она глухонемая, – размышлял он про себя. – Но куда-нибудь она всё равно меня при-

ведёт. А вдруг удастся там переночевать?».

Так они и шли, пока из-за деревьев не показался крошечный домик, над дверью которого покачивался одинокий фонарик. Лаврик в изумлении замер – у домика была небесно-голубая крыша и оранжевые в жёлтую крапинку стены.

Тем временем, по-прежнему не обращая на него внимания, девочка медленно поднялась по ступенькам низенького крылечка. Достав из кармашка пальто огромный серебристый ключ, она вставила его в замок. Дверь открылась, и из дома донеслась лёгкая мелодия. «Как будто музыкальная шкатулка», – подумалось мальчику. Поскольку дождь и не думал прекращаться, и в лесу становилось всё неудобнее, Лаврик отбросил последние сомнения и кинулся к крылечку.

– Послушай, девочка, – взволнованно сказал он в спину незнакомке, надеясь, что та наконец ответит. – Я и правда не знаю, как выбраться из этого дурацкого леса, слышишь ты меня или нет!

Неожиданно девочка обернулась. Она некоторое время смотрела на Лаврика огромными печальными глазами, но мальчику показалось, что она смотрит мимо него. От этого взгляда у него одновременно сжалось сердце и по спине побежали мурашки.

Повернувшись к двери, девочка взяла фонарь и вошла в дом. Лаврик, как заколдованный, последовал за ней. Но не успел он подняться на крылечко, как кто-то сильный и очень большой одним ударом сбил его с ног.

Глава 3. Ирбис

Лаврик очнулся от неприятного чувства – за шиворот ему затекла вода. Он лежал на мокрой траве под дождём, а прямо из темноты на него пристально смотрели два голубых глаза. От этого взгляда у Лаврика мороз пробежал по коже. А ещё было трудно дышать, словно под тяжестью груза.

Некоторое время никто не произносил ни слова, только капли методично исполняли свою заученную партию. Лаврику ужасно хотелось взять да очутиться дома. Или чтобы всё это оказалось лишь кошмарным сном. Несколько раз он попытался зажмуриться и вновь открыть глаза, но два голубых огонька никуда не исчезали.

И тут Лаврик услышал тихое рычание.

– Кто ты? – донеслось до него.

«Он ещё и говорит», – невесело подумал мальчик. Ответить ему хотелось меньше всего на свете, но огоньки придвинулись ближе, дышать стало труднее, и он поспешно пискнул:

– Лаврик...

Глаза чуть сузились.

– Как ты здесь очутился? Шпионил?

Мальчик чуть не заплакал от обиды. Человек заблудился, промок до нитки, замёрз, а его ещё и обвиняют непонятно в чём и непонятно кто. «Нет, плакать нельзя», – стиснув зубы,

решил Лаврик.

– Может быть, прежде чем задавать вопросы, вы позволите мне встать? А ещё хотелось бы узнать, с кем я имею дело...

В глазах вспыхнул и тут же погас жёлтый огонёк. С тихим рыком зверь подался назад, и Лаврик наконец смог вдохнуть полной грудью.

– Спасибо, – буркнул он, приподымаясь на локтях. В неровном свете фонаря мальчик разглядел серебристую шкуру с тёмными пятнами.

– Я Ирбис, – равнодушно представился зверь.

Лаврик онемел. Откуда здесь снежный барс? И почему он говорит? Такое бывает только в сказках! А может, это всё-таки сон?

– Так как ты здесь оказался? Это она тебя прислала? – продолжил допрос зверь.

«Кто она?» – хотел было спросить Лаврик, но не решился.

– Я просто потерялся. Мои друзья ушли вперёд, а у них была карта и фонарь. Начался дождь, я промок. И тут увидел эту девочку... – Лаврик посмотрел на пустое крыльцо.

Ирбис нахмурился.

– Я говорил с ней, но она мне не отвечала. Тогда я просто пошёл следом. Мне больше некуда было деваться.

Ирбис задумчиво смотрел на мальчика.

– Хорошо, – наконец молвил он, – поверю тебе.

Он грациозно повернулся и неспеша направился к дому. От его серебристой шкуры пружинисто отскакивали капли.

– Эй, постойте... – робко окликнул его мальчик, кое–как поднявшись на ноги.

Снежный барс остановился, но головы не повернул.

– Можно мне войти внутрь? Дождь идёт...

– Нет, – не колеблясь, отрезал зверь.

Огромная дождевая капля ударила Лаврика прямо в затылок.

– Пожалуйста... – еле слышно прошептал он.

Ирбис уже вошел на крыльцо.

– Прошу вас, – ещё тише сказал мальчик.

Снежный барс чуть повернул голову в его сторону. Лаврик затаил дыхание.

– Ладно, – прорычал зверь.

Лаврик слабо улыбнулся. У него уже не было сил радоваться.

– Но с одним условием, – предупредил Ирбис, по–прежнему не глядя на мальчика. – Ты не будешь говорить с Эльми.

– Эльми – это та девочка?

Ирбис резко обернулся, взметнув вверх длинный пушистый хвост.

– Она кукла, – рыкнул он так, что мальчик подпрыгнул на месте.

Лаврик хотел было возразить, что куклы не бродят по лесу с зонтиками, но вовремя прикусил язык. Пока он поднимался по ступенькам крыльца, его не оставляло ощущение сна. «Вот бы Лилию сюда. То–то бы она обрадовалась», – невольно

подумалось мальчику. Лиля, младшая сестра Лаврика, точно была бы не прочь познакомиться с живыми игрушками.

– А вы тоже ненастоящий снежный барс? – вырвалось у мальчика, прежде чем он успел подумать.

Ирбис замер, и Лаврику показалось, что в облике зверя скользнуло что-то печальное.

– Внутри у меня железная стружка, – отрывисто прорычал он. – А вместо сердца – часы.

Не говоря больше ни слова, снежный барс резко толкнул дверь огромной лапой. Та распахнулась, снова негромко заиграла музыка. Ирбис вошёл внутрь. Лаврик неверными шагами последовал за ним.

Глава 4. В доме

Комната, в которой очутился Лаврик, показалась ему довольно уютной. Большую её часть занимал камин. К великому разочарованию мальчика, он не горел. С одной стороны камина стояло высокое кресло. На нём лежали аккуратно сложенные пледы и плюшевый пёс. С другой стороны располагался деревянный стол, за которым спиной к мальчику сидела Эльми. Её пальто кособоко висело на спинке стула, рукавички лежали на полу. Девочка низко склонила голову, плечи её слегка вздрагивали, а локти непрерывно двигались. Мальчик сделал шаг в сторону и прищурился. Стол Эльми был завален белой бумагой – по всей видимости, она склады-

вала из неё фигурки. Её фонарь стоял тут же на столе, и его золотистые отблески дрожали на кудрявых локонах Эльми.

– Ты можешь погреться у камина, – равнодушно сказал Ирбис, растянувшись на полу рядом с креслом и прикрыв глаза.

– Огонь же не горит, – заметил мальчик, обходя красный зонт, который сушился посреди комнаты. Ирбис на миг открыл один глаз.

– Ах, как я мог забыть, ты же человек. Наш огонь тебя не согреет.

Лаврик присел на корточки у камина. Огонь и правда горел, но он был нарисован на куске картонки. Вздохнув, мальчик сел на пол и прижался спиной к холодной каминной решётке.

Теперь он мог видеть профиль Эльми. Её губы были крепко сжаты, глаза неотрывно следили за работой рук. «Она не может быть куклой!» – внезапно подумалось Лаврику. Однако... лицо её и правда было таким бледным, словно его вылепили из фарфора, а движения – ровными, будто механическими.

В животе предательски заурчало.

– Еды у нас тоже нет, – промурчал Ирбис. На этот раз он не удосужился открыть даже один глаз.

«Да уж догадался», – вздохнул мальчик про себя, но вслух говорить ничего не стал – не хотелось показаться неблагодарным. Тут на своё счастье он вспомнил, что у него был бу-

терброд с сыром и давно остывший термос с чаем, заваренным бабушкой. Он тихонько встал и раскрыл молнию рюкзака. Бутерброд слегка намок, но это было лучше, чем ничего. Откусывая по маленькому кусочку, Лаврик от нечего делать считал удары капель по крыше. Дождь разошёлся не на шутку, словно в эту ночь решил затопить собою весь мир.

Допив чай, мальчик растянулся на полу. Тихий шелест бумаги сливался с шорохом дождя, звуки успокаивали, но заснуть Лаврику не удавалось. Лежать на полу в мокрой одежде было холодно.

– На кресле есть пара пледов. Можешь взять один, – лениво бросил Ирбис.

«Сразу бы сказал», – проворчал Лаврик про себя, поднимаясь с пола.

– Совсем забыл, что тебе *может быть* холодно, – словно услышав его мысли, добавил снежный барс.

Эльми сидела за столом всё в той же напряжённой позе. Её руки беспрестанно двигались. Губы были плотно сомкнуты. На краю стола стояло несколько готовых фигурок. Лаврику захотелось посмотреть их, но он не решился обратиться к девочке, помня предостережение Ирбиса. Мальчик изо всех сил прищурился. Ему показалось, что фигурки не были похожи ни на животных, ни на птиц. Они были какие-то бесформенные, словно их складывали с закрытыми глазами или просто бездумно мяти бумагу. Но ведь Эльми так сосредоточенно работала над ними! Странно... Хотя чему он удив-

ляется – в этом доме всё было донельзя странным.

Лаврик протянул руку к верхнему пледу и тут же отдёрнул её, потому что плюшевый пёс, до сих пор безмолвно лежащий в кресле, вдруг ожил и недовольно заворчал. На этот раз мальчик опомнился быстрее, чем при встрече с Ирбисом.

– Тише, я возьму только один, – попытался успокоить пёсика он. Но тому явно не понравилось, что его разбудили. Он спрыгнул на пол и яростно укусил Лаврика за ногу. Укус оказался совершенно безболезненным. Мальчик улыбнулся и погрозил пёсику пальцем.

– Не шали, а то будешь моей подушкой! – со смехом воскликнул он, пока пёсик с забавным рычанием бросался на него. Убедившись, что противник и не думает отступить, пёсик заскулил и принялся тщательно обнюхивать полосатые носки мальчика, а потом попытался сорвать с себя голубой вязаный ошейник. Лаврик взял с кресла верхний плед и посадил упирающегося пёсика на прежнее место. Тот тут же свернулся калачиком и, кажется, заснул. «Конечно, если игрушки *спят*», – мелькнуло в голове у Лаврика. Он уже ни в чём не был уверен.

Накинув на плечи плед, мальчик снова растянулся на полу у камина и закрыл глаза. Стало намного теплее.

– Его зовут Булавка, – услышал он голос Ирбиса.

Лаврик неохотно открыл глаза. В тёплом пледе его начал одолевать сон.

– У него мягкое сердце из бархата, – продолжал Ирбис, –

но мадам Трюффор дала ему твёрдое имя. Чтобы он мог за себя постоять.

Он говорил тихо, и его голос почти сливался с шумом дождя.

– А кто это, мадам Трюффор? – сонно спросил Лаврик. Больше всего на свете он хотел спать, но и промолчать было бы невежливо.

Ирбис не ответил.

«Ну вот, – обиженно подумал мальчик, – сам начал разговор, а теперь в молчанку играет. Делает вид, что спит». Он хотел было отвернуться к камину, как вдруг скрипнул стул. Лаврик чуть–чуть приподнял веки, чтобы посмотреть сквозь узенькую щёлочку – он часто делал так в детстве, притворяясь, что спит. Встав из–за стола, Эльми подошла к креслу. Завернувшись во второй плед, она забралась в него с ногами и закрыла глаза. Булавка залез ей на колени. Она крепко прижала его к себе и замерла. «Как настоящая девочка», – вновь подумалось Лаврику.

– Говорят, мадам Трюффор выбрала для Эльми бумажное сердце, – неожиданно сказал Ирбис. На этот раз Лаврик удержался от вопроса. Он уже понял, что Ирбис расскажет только то, что сам пожелает. О крышу успели удариться 53 капли, прежде чем снежный леопард продолжил.

– Все удивлялись – кукла с бумажным сердцем, а так чудесно поёт! – мечтательно сказал он и тут же помрачнел. – То есть пела, – закончил он и еле слышно вздохнул.

Лаврик чувствовал, что за этим вздохом кроется что-то очень тяжёлое. Потяжелее булыжника.

– А что случилось? – хотел было спросить он, но не успел. Ирбис резко вскочил на лапы и издал полный отчаяния рык, заставивший сердце Лаврика бешено забиться. Мальчик посмотрел на Эльми, но девочка даже не шевельнулась. Зверь закрыл голову лапами и рухнул на пол.

– Это я во всём виноват, – услышал Лаврик его стон.

Глава 5. Ирбис рассказывает историю

В комнате стало очень тихо. Казалось, сам воздух захлебнулся в печали.

Лаврик не знал, что сказать. Он понятия не имел, как утешают снежных леопардов.

Ирбис поднял на него свои огромные печальные глаза.

– Зачем я всё это тебе говорю? – молвил он. – Ты всё равно не поймёшь.

Это было правдой – Лаврик ничего не понимал. Но он чувствовал – Ирбису нужно помочь. Хоть чем-то.

– Расскажите мне, что случилось, – предложил Лаврик. – И вам станет легче.

Ирбис недоверчиво глянул на мальчика.

– Попробуйте, – подбодрил Лаврик. – Хуже от этого точно не будет.

Ирбис шумно выдохнул и, положив голову на передние

лапы, нехотя заговорил. На мальчика он не глядел.

– Эльми появилась в театре мадам Трюффор неожиданно. И пела она совсем как настоящая девочка. У неё был такой чистый голосок.

Лаврик посмотрел на Эльми и тут же отвёл взгляд, испугавшись, что Ирбис заметит.

– И было ещё кое–что, – продолжал тем временем зверь. – Эльми умела плакать. Она плакала, когда пела.

Лаврик удивился. Рита пела на каждом школьном празднике, но он никогда не видел, чтобы она пролила хоть слезинку.

– Отчего же она плакала? – решился спросить он.

Ирбис нахмурился.

– Никто этого не знал, – отрезал он.

Лаврик прикусил язык. «Лучше молчать», – решил он про себя. – «А то он передумает рассказывать». Ему очень хотелось узнать историю Эльми.

– А потом она сбежала, и мадам Трюффор отправила меня вдогонку.

Ирбис поморщился.

– И что случилось? – встревожился Лаврик.

– Я случайно задел её когтями.

Он яростно процарапал деревянную доску пола.

– Дело в том, что меня создавали для защиты. И мадам Трюффор сделала для меня особые когти – она пропитала их сонным отваром. Любое касание погружает в глубокий сон.

– Но вы же сказали, что Эльми – кукла! – перебил его мальчик. – Как сонный отвар мог усыпить её?

Ирбис не ответил. Он слишком глубоко ушёл в воспоминания.

– Когда мои когти коснулись руки Эльми, она пошатнулась и упала на землю. Она была такой беззащитной, что я не решился вернуться обратно, ведь мадам Трюффор могла наказать её за непослушание. Я увёз её подальше от театра.

– А этот домик, откуда он? – спросил Лаврик, оглядывая комнату. – Он так похож на музыкальную шкатулку, только большую.

Ирбис поглядел на него испытующим взглядом. «Он всё ещё мне не доверяет», – мелькнуло в голове у Лаврика.

– Наверное, ты уже понял, что мадам Трюффор умеет делать то, что другим не под силу? – понизив голос, спросил снежный барс.

Лаврик кивнул. При этом у него неприятно заныло в животе.

– Этот дом и правда шкатулка, – продолжал Ирбис. – Когда Эльми сбежала, за ней увязался Булавка. Он даже пытался защитить её, когда я их настиг.

Булавка возмущённо заскулил.

– Да знаю я, – рыкнул Ирбис. – Я уже сто раз извинялся.

Лаврик недоумённо посмотрел на него.

– Я отбросил его, как пушинку, – признался зверь. – Но не будем об этом. Когда я с Эльми на спине забрёл в глубо-

кую чашу, то понял, что нам нужно где-то укрыться. И тут я вспомнил о шкатулке. Мадам Трюффор сделала её для забавы.

– Так что это за шкатулка? – спросил Лаврик, уже чуть ли не лопаясь от любопытства.

– Она может увеличиваться и уменьшаться во сколько угодно раз. Я объяснил Булавке, где лежит шкатулка, и он выкрал её из мастерской мадам Трюффор. С тех пор мы и живём здесь втроём.

– А Эльми очнулась?

Ирбис вздохнул.

– Да, но теперь она спит наяву. Она ничего не замечает. Иногда берёт фонарь и бродит по лесу. Всё время складывает фигурки, но у неё получаются только бесформенные комки бумаги.

Сердце Лаврика отчаянно сжалось.

– А разве нельзя разбудить её? Наверняка у мадам Трюффор есть средство!

Ирбис насмешливо глянул на мальчика.

– Если бы всё было так просто! Чтобы это выяснить, нужно пойти к самой мадам Трюффор.

– Так идите.

Снежный барс гневно сверкнул глазами.

– Глупый мальчишка! Что ты в этом понимаешь! – оскандился он.

Лаврик даже обиделся.

– Ну и ладно... Я просто хотел помочь.

– Не нужна мне твоя помощь, – прорычал Ирбис, отворачиваясь к стене.

Лаврик решил, что разумнее будет промолчать. Действительно, чего он суётся со своими советами. Тоже мне, эксперт. Он снова завернулся в плед и лёг.

– Тоска... – услышал он тихое рычание. – Грызёт тихонько моё сердце. Не выдержу я так долго. Часы придут в негодность. Боюсь, что тогда Эльми останется совсем одна.

Мальчик резко сел, отбросив плед.

– Тогда идите за противоядием, – решительно произнёс он.

Ирбис покачал головой.

– Ты не знаешь мадам Трюффор. Она не простит предательства.

– Вы что, трусите?

– Я просто знаю, что это бесполезно. Будет только хуже.

– Но посмотрите на неё! – Лаврик кивнул на Эльми. Её фигурка в кресле казалась такой хрупкой. – Разве вы можете оставить всё, как есть?!

Глаза Ирбиса вдруг вспыхнули и снова погасли.

– Спи. Забудь обо всём, что я рассказал тебе. Это проявление слабости.

И он вновь повернулся к мальчику спиной, ясно показывая, что разговор окончен.

Лаврику ничего не оставалось, как лечь и закрыть глаза.

Шум дождя начал убаюкивать. Вдруг к нему тихонько присоединился другой звук – что-то вроде тихого мурлыканья. Лаврик изумлённо открыл глаза – Эльми напевала что-то себе под нос. Её глаза по-прежнему были закрыты, а губы улыбались, словно ей снился приятный сон.

– Она поёт! – взволнованно прошептал Лаврик.

Ирбис не шевельнулся. Лаврик подождал какое-то время, но тщетно. Снежный барс не желал отвечать. Мальчик повернулся к камину и положил ладонь под щёку, как делал в детстве. Мелодия Эльми была похожа на колыбельную, которую пела мама – нет, не ему, сестре, свои он помнить не мог, был слишком маленьким.

– А я бы пошёл... – пробормотал мальчик, засыпая.

Совсем близко раздалось чьё-то шумное дыхание.

– Куда бы ты пошёл? – прорычал Ирбис ему в самое ухо.

– К мадам Трюффор, – испуганно пролепетал Лаврик.

– Не ври, зачем тебе это, – не поверил зверь.

Мальчик сел и серьёзно посмотрел в голубое пламя глаз.

– Правда. Ради Эльми.

– А когда? – взволнованно подался вперёд Ирбис.

– Да хоть сейчас! – воскликнул Лаврик и понял, что перестарался. Спать хотелось нещадно.

Ирбис лихорадочно заметался по комнате, так буйно мотая хвостом туда-сюда, что Лаврику стало страшно – вдруг оторвётся.

– Но ты же не знаешь дороги! В лесу так легко заплутать!

Театр мадам Трюффор очень далеко отсюда! – безостановочно говорил зверь на ходу. – Но это ничего, Булавка проводит тебя, правда же, Булавка?

Пёсик заворчал во сне.

– Я не оставлю её! – возвысил голос Ирбис. Шерсть его встала дыбом.

Булавка нехотя открыл глаза и покорно тьякнул.

– Ты возьмёшь зонт Эльми, – продолжал снежный барс. – Не хватало ещё, чтобы ты промок во второй раз.

Лаврик вздохнул и поднялся с пола. Ирбис наконец остановился и окинул мальчика придирчивым взглядом.

– Ты совсем мокрый, – покачал головой он, чуть подумал и бросился к неприметному шкафчику в углу комнаты. Ударом лапы он заставил дверцу открыться. Из шкафчика выпал целый ворох вещей, Ирбис зубами выхватил что-то из кучи и бросил у ног мальчика.

– Наденешь это, – прорычал он.

Лаврик поднял одежду. Это были старомодный сюртук на больших серебряных пуговицах и брюки. Лаврик скептически осмотрел костюм со всех сторон, но спорить не стал – выходить на улицу в мокрой одежде не хотелось. Когда мальчик переоделся, Ирбис принёс откуда-то пару кожаных туфель, украшенных серебряными пряжками. Лаврик покорно обул их.

«Главное, чтобы никто из одноклассников меня не увидел, – подумалось ему. – Хотя сомневаюсь, что кому-то из

них вздумается гулять по лесу среди ночи». Он наклонился к своей куртке и достал из кармана блокнот и карандаш. С тех пор, как мальчик увлёкся рисованием, он никуда не выходил без них. Блокнот чуть–чуть намок; он был раскрыт на страничке с голубеньким цветком. Незаметно от Ирбиса Лаврик вырвал листок и положил на стол Эльми. Он и сам не знал, зачем это сделал.

Булавка уже осторожно выбрался из объятий Эльми и с готовностью сел рядом с мальчиком.

– Возьмёшь его на руки, чтоб не промок. Он хоть и не бумажный, но вода ему на пользу не пойдёт, – предупредил снежный барс.

Раздав последние указания, Ирбис с тревогой посмотрел на Лаврика.

– Ты точно не передумал? У тебя ещё есть возможность отказаться.

Лаврик лишь покачал головой.

– Только я очки сломал. Без них вижу плохо, – признался он.

Ирбис задумался.

– погоди.

Он вновь метнулся к шкафчику и принялся рыться в груде вещей.

– Вот, держи.

В зубах снежного барса мелькнул бархатный мешочек. Лаврик опасно протянул руку, и мешочек упал в его рас-

крытую ладонь. Внутри оказались круглые старомодные очки на цепочке. Он надел их. Мир стал чуточку чётче.

– Так гораздо лучше, – кивнул Лаврик. – Спасибо.

– Готов? – прорычал Ирбис. Он уже успел подцепить когтями дверь и распахнуть её настежь. Слушая мелодию, мальчик вдруг осознал, что дороги назад нет. Он глубоко вдохнул и решительно кивнул. Бросив прощальный взгляд на склонённую к плечу темноволосую головку Эльми, он наклонился к Булавке. Тот запрыгнул ему на руки. Лаврик попытался погладить его, но пёсик бросил на него такой строгий взгляд, что мальчик тотчас убрал руку.

– Булавка приведёт тебя прямо к театру мадам Трюффор, – напомнил Ирбис и добавил: – Не забудь зонт. Дождь будет идти всю ночь.

Мальчик снова кивнул. Раскрыв красный зонт, он крепко прижал к себе плюшевого пса и шагнул за порог.

– Удачи, – услышал он тихое рычание за спиной, и дверь захлопнулась.

«Интересно, во что я ввязался?», – подумал Лаврик, спускаясь с крыльца.

Глава 6. Театр мадам Трюффор

Дождь лениво барабанил по усталым листьям. Небо походило на огромную зияющую пропасть. Булавка деловито втянул носом воздух и неожиданно вырвался из рук мальчика.

– Стой! – спохватился Лаврик. – Мне нельзя тебя отпустить! Ты промокнешь!

Но пёс его не слышал. Отыскав неприметную глазу тропинку, он устремился в самую глубь чащи. Лаврик поспешил за ним. Каждый его шаг ознаменовался громким хлопком – кожаные туфли с пряжками моментально набрали воды. «Надо было дедовы резиновые сапоги надевать», – сокрушённо подумал Лаврик.

Лес становился всё беспросветнее, деревья смыкались плотнее, словно хотели взяться за руки. Тропка петляла так сильно, что иногда Лаврик лишь чудом не налетал лбом на корявый ствол очередного лесного долгожителя. Очки тоже были тому виной – в них немного кружилась голова.

Тропинка снова вильнула, и Лаврик к своему великому отчаянью заметил, что потерял из виду белое пушистое пятнышко.

Он растерянно остановился, оглядывая густые заросли. Нахальная ветка ударила его по лицу, и он наконец поднял глаза от земли. Прямо перед ним раскинулся исполинский дуб. Таких огромных деревьев Лаврик ещё не встречал. На вид ему было лет сто, не меньше, а величиной он был с целый дом.

– *Quercus robur*, дуб черешчатый, – ошеломлённо выдохнул мальчик. Но не только размер гиганта заставил его изумиться.

Дуб светился изнутри. Словно кто-то забрался в ствол и

зажѐг целую тысячу разноцветных фонариков.

У корней копошился белый комочек. Лаврик облегчѐнно вздохнул и подбежал к Булавке. Пѣсик тем временем увлечѐнно обнюхивал трещинки и бугорки на коре и время от времени негромко поскуливал. Учуяв Лаврика, он поднял мордочку и энергично тьякнул.

– Это и есть театр мадам Трюффор? – догадался Лаврик, складывая красный зонт. Под раскидистой кроной дуба он уже не был нужен.

Пѣс кивнул и принялся с лаем рыть землю у самых корней. Не придумав ничего лучше, Лаврик сунул мокрый зонтик под мышку и с трудом вытащил Булавку из травы, с неудовольствием отметив, что тот явно стал тяжелее. «И грязнее», – подытожил мальчик, рассматривая свежее пятно на сюртуке. К тому же, голубой вязаный ошейник Булавки куда–то исчез. «Всѣ–таки снял, – уныло подумал Лаврик и вздохнул:

– Достанется же мне от Ирбиса!

Тем временем Булавка попытался вновь вырваться из рук, но на этот раз мальчик держал его крепко. Пѣсик укоризненно залаял. Не обращая на это ни малейшего внимания, Лаврик снова окинул взглядом громаду дуба.

– Как же я попаду внутрь? – озадаченно спросил он.

Пѣсик порывисто залаял, лапой показывая куда–то в ствол дерева.

Мальчику пришлось изрядно прищуриться, чтобы разгля-

деть среди веток деревянную дверь, замаскированную под кору. Заметив тусклую медную табличку, он подошёл вплотную, чтобы прочесть витиеватую надпись. «Театр кукол мадам Трюффор», – гласили буквы. Рядом с табличкой висел атласный шнурок.

– Дёрнуть? – неуверенно спросил мальчик. Булавка утвердительно твякнула.

Лаврик потянулся к шнурку. Он успел осознать, что сейчас в его жизнь ворвутся приключения, а потом услышал приглушённый звон колокольчика. В этот самый миг Булавка вырвался из рук и исчез в кустах. Что-то красное мелькнуло и исчезло вместе с ним.

– Стой! – спохватился Лаврик, но времени преследовать пёсика не было. Послышался скрип, и дверь в дереве отворилась.

На пороге высился пожилой джентльмен с красным клоунским носом. На нём был высокий цилиндр и чёрный смокинг. Длинные седые усы торчали в разные стороны, словно старичок только что тщательно их накрахмалил. Глаза сияли, как две начищенные монеты.

– Добро пожаловать в театр кукол мадам Трюффор! – важно провозгласил капельдинер и почтенно поклонился, освобождая проход. Лаврик заметил, что вместо ног у него пружины. Мальчик смущённо кивнул в ответ и хотел было войти, но старичок преградил ему путь.

– Ваш билет, молодой человек, – вежливо, но настойчиво

попросил он.

– Б–билет? – растерялся Лаврик. От неожиданности он даже стал заикаться.

– К–какой би–билет?

– Что же вы, молодой человек, ни разу в театре не бывали? – удивился капельдинер, забавно приподняв кустистые брови. – Чтобы попасть на представление, нужно купить билет. Этот факт известен всем.

Лаврику стало жарко. Ирбис ни о чём таком его не предупреждал.

«Даже странно, если бы он вспомнил о таком пустяке, как билет», – вздохнул мальчик про себя, принимаясь судорожно шарить по карманам чужого сюртука.

– А сколько он стоит? – уточнил Лаврик, чтобы потянуть время. В нагрудном кармане он обнаружил платок, в левом лежали только его блокнот и карандаш, в правом была гигантская дырка. В брюках карманов вообще не нашлось.

– Тридцать «вертолётиков», – ответил старичок.

– Чего, простите? – переспросил Лаврик. Ему показалось, что он ослышался.

Брови капельдинера снова взметнулись вверх.

– Вижу, вы не местный, – догадался старичок.

– Да, я здесь впервые, – подтвердил мальчик, стараясь, чтобы это прозвучало как можно непринуждённое.

– Тридцать кленовых «вертолётиков», или по–научному крылаток, если вам так будет угодно.

У Лаврика в голове тут же мелькнуло латинское название клёна – Асег. Он вспомнил, что сегодня днём много раз видел его в лесу. Он мог бы сбегать и нарвать хоть сто «вертолётиков», но вдруг к тому времени представление уже начнётся, и старичок не разрешит ему войти? Лаврик хорошо помнил, что в театр опаздывать нельзя. После третьего звонка никого не пускают. Что же делать?

Тут что–то коснулось его руки. Мальчик опустил взгляд и заметил небольшое округлое дупло, по форме и размеру напоминающее дуло пушки. В дупле кто–то оставил бумажного журавлика. Кроме него, вокруг не было ни души. «Наверное, показалось», – решил мальчик. Он хотел было вернуться к разговору со старичком, но тут журавлик вдруг шевельнулся. Лаврик зажмурился и снова открыл глаза. Журавлик махнул крылом. «Я схожу с ума», – подумал Лаврик. Тем временем журавлик замахал уже обоими крылышками – мальчик даже испугался, что он сейчас вывалится из дупла.

Видя, что Лаврик его заметил, журавлик приложил одно крылышко к клювику. Мальчик готов был поклясться, что это означает «Тсс!».

– Что с вами, молодой человек? – окликнул его красноносый капельдинер. – Вы изменились в лице.

– У меня, кажется, шнурок развязался, – пробормотал Лаврик первое, что пришло в голову, и наклонился к журавлику. Тот мигом спрятался где–то в глубине дупла, а под ним обнаружилась целая гора кленовых крылаток. «Так вот оно

что!» – догадался мальчик. Недолго думая, Лаврик запустил руку в дупло.

– У вас же нет шнурков... – растерянно заметил было старичок, но Лаврик быстро протянул ему горсть «вертолётников».

– О, вы всё–таки решили приобрести билет! – обрадовался тот и немедленно принялся считать вслух. – Один, два... Уверяю вас, вы не пожалеете... Двадцать девять, тридцать. – Старичок хмыкнул и торжественно провозгласил: – Ровно тридцать! Вот ваш билет!

Он протянул Лаврику голубой картонный квадратик. Мальчик с интересом взглянул на него. Билет был надписан вручную. «Волшебные качели», – гласили аккуратные круглые буквы. Дальше буквы поменьше сообщали: «Сценарист и режиссёр – мадам Трюффор. В главной роли – Эльми». «Эльми» было зачёркнуто, и сверху стояло другое имя.

– Добро пожаловать в театр кукол мадам Трюффор! – повторил капельдинер и галантно приподнял цилиндр.

– Спасибо, – громко сказал мальчик, надеясь, что журавлик его услышит, а затем решительно шагнул внутрь. «Никогда ещё не бывал в деревьях», – подумалось ему. Лаврик слышал, как пружинистый старичок закрывал дверь и что–то ему говорил, но как в тумане, потому что картина, открывшаяся ему, поглотила всё его внимание.

То, что открылось взгляду мальчика, было похоже на лесную поляну, со всех сторон окружённую неровными стенами из потрескавшейся коры. Повсюду были разноцветные фонарики, яркие флажки и театральные афиши. Ноги утопали в мягком ковре изумрудного моха. Лаврик поднял голову. Верхняя часть дерева терялась в темноте.

На самой поляне творилось нечто невообразимое. Лаврик отметил, что зрителей набилось уже приличное количество, но они почему-то и не думали чинно ждать спектакля, сидя на своих местах. Публика носилась туда-сюда, подпрыгивая, кружась и кувыркаясь в воздухе. Крики, смех, вой и дикие вопли заглушали негромкую музыку, доносившуюся откуда-то сверху.

«Да тут кутерьма не хуже, чем у нас на физкультуре!», – довольно отметил про себя мальчик и тут же проворно отпрыгнул в сторону, потому что прямо на него летел пухленький тролль болотного цвета.

– Эй, поосторожнее нельзя?! – возмутился кто-то у Лаврика за спиной. Мальчик обернулся и встретился взглядом с лесным карликом. Взгляд маленького человечка не предвещал ничего хорошего, поэтому Лаврик поспешно извинился. Карлик проворчал в ответ что-то вроде «Ходюттутвсякие!» и скрылся в толпе. Лаврик облегчённо вздохнул.

– Не уппусти шанс поймать себе звёздочку! – подмигнул ему пробегающий мимо забавный арлекин.

Только сейчас Лаврик понял причину ажиотажа. Капли дождя просачивались сквозь кору и превращались здесь в золотистые искорки. Куклы и лесные обитатели со смехом гонялись за ними, ловя их в ладошки. Одна из искорок опустилась прямо на плечо мальчика. По форме она напоминала снежинку и тут же растаяла в его горячей ладони.

– Какая же это звезда! – раздосадованно крикнул Лаврик вслед арлекину, но тот уже давно смешался с толпой.

– Вы настоящий мальчик? – осведомился кто-то.

Лаврик опустил глаза и увидел маленькую тряпичную балерину.

– А как ты догадалась? – спросил Лаврик.

– У нас звёздочки не тают, – лукаво прищурилась кукла и зачем-то показала ему язык. Она напомнила Лаврику сестру Лилю. Он хотел было спросить её про мадам Трюффор, но девчушка уже юркнула в самую гущу разноцветной кутерьмы.

Раздался звонок. Потом ещё один. Зазвучала красивая музыка. Зрители рассаживались прямо на мох. Лаврик заметил свободное место рядом со странным человеком с оленьими рогами на голове и тоже сел.

На неприметном балкончике появилась женщина. У неё были чёрные гладкие волосы. Пронзительные и чуть насмешливые голубые глаза. Она была очень худой, и шею её обвивало пушистое боа. Чуть сощутив глаза, она смотрела вниз. Лаврик даже поёжился, представив её взгляд на себе.

– Это сама мадам Трюффор, – прокрипел кто-то сзади.

– Красивая, – отвечали ему булькающим голосом. – Я бы и в жёны такую взял.

Лаврик не выдержал и обернулся. Прямо за ним сидели леший и водяной.

Оба как по команде уставились на мальчика.

– Здравсьте, – пискнул он и мигом отвернулся.

К счастью, раздался третий звонок. Зрители зааплодировали. Свет начал гаснуть.

Над головой, там, где была темнота, зажигались серебряные огни. Зрители зачарованно ахнули – прямо сверху к ним спускались огромные качели.

На качелях танцевали куклы в лёгких тюлевых нарядах. Это было так красиво, что Лаврик забыл обо всём на свете. Он не мог видеть лиц кукол, лишь их расплывчатые силуэты, и от этого очарование только усиливалось. Ему казалось, что это какие-то диковинные бабочки, которым вдруг вздумалось покачаться на качелях.

Одна из кукол запела тоненьким голоском. Лаврик заметил, что лицо дамы на балконе скривилось, словно она проглотила целую дольку лимона без сахара. Дама грациозно поднялась со своего места и ушла.

«Кажется, сейчас самое время поговорить с ней», – решил Лаврик.

Он заметил прямо под балконом витую лестницу – по форме она напоминала нераскрывшийся бутон розы. Маль-

чик тихонько поднялся на ноги. Никто не обращал на него внимания, глаза всех были прикованы к артистам на качелях. Леший и водяной сидели, раскрыв рты. Изо всех сил стараясь никого не задеть, Лаврик добрался до лестницы и принялся взбираться вверх. Роза всё крутила свои лепестки, и у него даже чуточку закружилась голова. Оказавшись наверху и переведя дух, мальчик вдруг почувствовал страх. «А если сейчас кто-нибудь крикнет: «Смотрите! Он на балконе мадам Трюффор!» – мелькнуло у него в голове. Лаврик осторожно глянул вниз. Никто даже не смотрел в его сторону.

Он поспешно устремился вглубь балкона и попал в небольшой тёмный коридорчик. Здесь приятно пахло смолой и деревом. В конце коридора была дверь с позолоченной ручкой. На двери висела табличка. «Мастерская мадам Трюффор. Не беспокоить!» – гласила она. Лаврик мысленно собрался с силами и постучал. Никто не ответил. За дверью было очень тихо. Лаврик потянулся к ручке и неожиданно для себя повернул её. Дверь оказалась незапертой.

Глава 8. Испытание

Лаврик очутился в полукруглой комнате. Большую её часть занимал деревянный стол. Он весь был завален разноцветными лоскутами материи, тонкой бумагой, ножницами, булавками и катушками с нитками. Вокруг стояли манекены всевозможных размеров, огромное зеркало в позолоченной

раме и несколько громоздких сундуков. К стенам булавками были приколоты эскизы кукольных нарядов, обрывки мелко и неразборчиво исписанных бумажек, билетки и календарные листочки с пометками. У маленького круглого окошечка стояло кресло, обитое красным плюшем, и шкафчик со стеклянными дверцами, за которыми виднелись книги и альбомы. По оконному стеклу бежали дождевые капли.

Лаврик подошёл к шкафчику. За стеклом он заметил карандашный эскиз, вставленный в овальную позолоченную рамку и фотографию с помятым уголком.

На рисунке был изображён молодой юноша. Его тёмные волосы спускались до самых плеч, а глаза поражали глубиной. На голове у него красовался венок из дубовых листьев.

Мальчик перевёл взгляд на фотографию. С неё на Лаврика взглянула маленькая девочка в синем платье. У неё были большие глаза и две темно-русые косички. Волосы на кончиках вились. Девочка держала в руке сухой кленовый лист. Лаврику показалось, что он знает её... вот только откуда? Мальчик потянул на себя одну из стеклянных дверок – ему хотелось как следует рассмотреть фотографию.

– Могу я узнать, кто вы? – услышал он резкий оклик у себя за спиной. Лаврик отёрнул руку, словно её ударило током, и обернулся. Перед ним стояла мадам Трюффор собственной персоной. На ней было длинное блестящее платье с широкими рукавами. Гладкие чёрные волосы сияли. Изогнутый нос напоминал вороний клюв. В глазах застыло враждебное

выражение.

– Я... Лаврик, – каким-то не своим голосом ответил мальчик. Вблизи владелица театра показалась ему ещё более жуткой.

– Что ты делаешь в моей мастерской, Лаврик? – недобро спросила дама. – Ты разве не читал надпись на двери?

Лаврик осознал, что в этот миг отдал бы всё, лишь бы стать невидимкой или провалиться сквозь землю.

– Я не слышу ответа, мальчик, – настаивала мадам Трюфффор. Она взяла со стола остро заточенный карандаш и раздражённо постучала им по поверхности.

Лаврик зажмурился.

Нет, трусить нельзя! Он же обещал помочь!

Собрав всю волю в кулак, Лаврик взглянул даме прямо в глаза и твёрдо произнёс:

– Вы, наверное, знаете, что случилось с вашей куклой Эльми. Я пришёл сюда, чтобы попросить у вас средство, способное ей помочь.

Откуда-то снаружи до них донёсся угрожающий раскат грома.

Потом стало очень тихо, было слышно только, как карандаш катится по столу. И в этой тишине Лаврик услышал сухой смех мадам Трюфффор.

– Дерзкий мальчишка! Ты пришёл сюда ломать комедию? Или правда думаешь, что я буду с тобой так мила и любезна, что просто возьму и позволю тебе помочь этой маленькой

предательнице?

Она подошла к креслу и, сев в него, снова рассмеялась.

– Даже не думай!

– Нет, – с вызовом ответил Лаврик, поворачиваясь к ней. –

Ничего такого у меня и в мыслях не было. – Немного поразмыслив, он решительно добавил: – Я готов пройти испытание.

В сказках всегда так – ради спасения принцессы рыцарь должен совершить подвиг.

Мадам Трюффор оценивающе осмотрела его с головы до пят. От этого взгляда у Лаврика по спине пробежал холодок.

– Хорошо, пусть будет так, – спокойно сказала она, вставая с кресла. – У меня есть одно испытание, достойное тебя.

Лаврику вновь стало не по себе. Откуда она знает, на что он способен?

Тем временем мадам Трюффор подошла к столу и махнула рукавом. Разноцветный ворох лоскутов, пайеток и бусин полетел на пол. Мадам Трюффор махнула другим рукавом, и из него выпали три кусочка картона. Лаврик чуть подался вперёд, чтобы лучше видеть.

– Подходи ближе, не бойся, – позвала его дама.

Лаврик приблизился.

– Взгляни на эти карточки.

Лаврик послушно взял первую картонку и... чуть не ахнул!

С карточки на него смотрела Рита. Нет, это не была фо-

тография, Рита была живой! Она с тревожным выражением лица прощупывала пространство перед собой, словно перед ней была стеклянная стена. Весь вид девочки говорил, что она изо всех сил старается найти выход из ловушки, в которую попала каким-то загадочным образом. Увидев Лаврика, Рита принялась что-то кричать, стуча кулачками по невидимой преграде. До мальчика не доносилось ни звука. «Помоги», – прочитал он по её губам.

Лаврик в ужасе схватил вторую и третью карточки. Так и есть! Их пленниками были Рома и Анютка.

– Что вы с ними сделали?! – чуть не плача, закричал Лаврик. – Немедленно освободите их!

Губы мадам Трюффор растянулись в коварной улыбке.

– Это можешь сделать только ты. Если, конечно, справишься с моим испытанием.

Лаврик понял, что ставки повысились: теперь от него зависела не только судьба Эльми, но и его троих друзей, а также его собственная. Навряд ли мадам Трюффор отпустит его домой, если он не пройдёт испытание. От этой мысли у него вспотели ладони.

Облокотившись на стол, мадам Трюффор заглянула в карточки.

– Бедные ребята! Они так спешили попасть домой, что пошли не по той тропинке. К счастью, им повезло, и они встретили меня. Иначе они бы совсем заплутали. Ведь согласись – лучше сидеть в ловушке, но сухим, чем мокнуть под до-

ждём в тёмном лесу? Тем более, теперь у них есть шанс на спасение.

И она вновь окинула Лаврика пронизывающим взглядом. «Она видит меня насквозь! – запаниковал мальчик. – Чувствует, что я боюсь её!»

– Я знаю, что ты интересуешься растениями, – продолжала тем временем мадам Трюффор.

Лаврик кивнул. При чём здесь это?

– А много ли ты знаешь о своих друзьях? Интересуешься ли ими? – ехидно улыбнулась она, и глаза её блеснули.

Лаврику захотелось крикнуть: «Я всё о них знаю!», но он почему-то вдруг засомневался. «А правда, всё ли я о них знаю?» – спросил он себя.

Мальчик вспомнил, что частенько пропускал мимо ушей девчоночьи рассказы. А с Ромкой они предпочитали заниматься делом – чинить велосипед или собирать радио, а не тратить время на бессмысленные разговоры. «Нет, всё это ерунда, – отбросил Лаврик эти мысли. – Мы ведь дружим с детства».

Всё это время мадам Трюффор лишь насмешливо наблюдала за ним.

– Я вижу, ты готов, – сладко улыбнулась она, – с кого начнём?

На долю секунды Лаврик замешкался.

– Давайте с Риты, – решил он.

Откуда ни возьмись в руках мадам Трюффор появились

миниатюрный гонг и тоненькая металлическая палочка. Она поставила гонг на стол и торжественно ударила в него.

Сердце мальчика гулко забилося.

Глава 9. Рита

Ритку он знал с пелёнок. Их мамы были давними подружками и вместе гуляли в парке, когда Лаврик и Рита родились.

«Я точно всё о ней знаю, – заверил сам себя Лаврик. – День рождения – 4 апреля, адрес – ул. Ягодная, дом 7, увлечения – пение, ролики...».

Пока он всё это вспоминал, мадам Трюффор достала что-то из шкафчика и вернулась к столу. Один за другим перед мальчиком выстроились три стеклянных бутылка размером с мизинец. Стекло было тёмным, но Лаврик видел, что в каждом находится какая-то жидкость. Он вопросительно взглянул на мадам Трюффор.

– Перед тобой экстракты трёх цветков, – объяснила та и, лукаво улыбнувшись, добавила: – и названия указаны.

Действительно, к каждой бутылочке крепился ярлычок из плотной золотистой бумаги. Прищурившись, мальчик понял, почему мадам Трюффор так хитро улыбалась – названия-то были на латыни! «Кажется, она не знает, что с латинским я на «ты»!» – довольно подумал Лаврик.

Как-то среди старых вещей на чердаке у бабушки он откопал несколько наборов открыток с нарисованными расте-

ниями и цветами. Он притащил их в школу и все уроки тайком рассматривал под партой, а потом от нечего делать заучил латинские названия.

Первый ярлычок гласил: «Bellis». «Маргаритка», – перевёл мальчик. На втором он прочёл: «Campanula», что означало «Колокольчик». На третьем ярлычке стояло «Myosotis». Лаврик вдруг с ужасом осознал – он не помнит, что это за цветок!

– Всё просто – выбери бутылёк с любимым цветком Риты и выпей его содержимое, – продолжала мадам Трюффор, снова растягивая губы в фальшивой улыбке. – К двум другим добавлен яд. Ошибёшься – пеняй на себя. – Она вынула из рукава песочные часы и объявила: – У тебя есть целая минута на размышления.

Послышался лёгкий шорох – песок начал осыпаться.

«Вот блин, – мысленно возмутился мальчик, – откуда мне знать риткин любимый цветок?! Я же ей не жених!». Ничего не поделаешь, придётся размышлять логически.

Это наверняка была маргаритка. Риткино полное имя. Хотя... оно вроде ей не нравится. Точно! Мальчик вспомнил, как Ритка морщилась, когда кто-то называл её полным именем и тут же отмёл первый вариант.

Оставался колокольчик и этот загадочный Myosotis. Что же это могло быть? Жасмин? Нет, он так и будет *Jasminum*. С розой то же всё ясно. Роза, она и по-латински *Rósa*. Нашёл время шутить!

Лаврик украдкой взглянул на песочные часы. Времени оставалось ровно половина.

Может, всё–таки колокольчик? Почему бы и нет? Ритка вроде говорила, что у неё глаза колокольчикового цвета. Или василькового? Что–то он подзабыл. Девчонки постоянно болтают о всяких пустяках, как всё это упомнишь!

Лаврик прикусил губу. Myosotis, Myosotis ...Если бы вспомнить! Было бы намного легче! «Трудно вспомнить, когда не знаешь», – пришла ему на ум любимая риткина присказка. Ну конечно же! Он не знает! Лаврик принялся нервно грызть ноготь большого пальца. Он бросил быстрый взгляд на мадам Трюффор, та скрестила руки на груди и насмешливо прищурилась в ответ.

Так, спокойно всё обдумать. Если бы открытка с этим неизвестным ему Myosotis была в его коллекции, он наверняка помнил бы её. Но он не помнит... Следовательно...

– Осталось всего 15 секунд, мой дорогой, – притворно ласковым голосом предупредила мадам Трюффор. Она сидела в кресле, откинувшись на спинку, и держала в руках блюдце с чашечкой ароматного чая.

Лаврик кивнул, и мысли снова лихорадочно забегали в его голове. Так, на чём он остановился? Следовательно... следовательно открытки с Myosotis у него просто не было. Да уж! Вывод совсем не утешительный.

– Всё, мой мальчик, твоё время истекло, – с мнимым сожалением произнесла дама. Лаврик расправил плечи, гото-

вьясь к решающему действию.

– Пей, – велела мадам Трюффор, и глаза её при этом холодно сверкнули.

Дрожащей рукой Лаврик потянулся к бутылкам.

А вдруг *Myosotis* – это какая–нибудь раффлезия¹? Хотя это маловероятно. Ритка, конечно, любит выделяться из толпы, но не настолько. Но всё–таки выбирать *Myosotis*, не зная, что это, рискованно. Кончиком пальца Лаврик дотронулся до бутылочки с колокольчиком. Коленки предательски задрожали. Краем глаза он заметил, что мадам Трюффор чуточку подалась вперёд, хищно наблюдая за ним. И вдруг рука сама собой схватила бутылёк с *Myosotis*. Не раздумывая больше ни секунды, мальчик вынул пробку и залпом осушил крошечный сосуд.

«Вкусно», – невольно подумал Лаврик, ставя пустой бутылёк обратно на стол.

В комнате воцарилась тишина. Некоторое время мальчик прислушивался к внутренним ощущениям. Голова не кружилась. Ничего не болело.

«Пока», – предательски сказал внутренний голос. От волнения он машинально снял очки и протёр их краешком сюртука.

А когда он снова надел их, перед его глазами всплыла кар-

¹ Раффлэзия (*лат.* *Rafflesia*) – род цветковых паразитических растений семейства Раффлезиевые. Цветок достигает диаметром около одного метра. Насекомых–опылителей он привлекает запахом гниющего мяса. (Прим. автора)

тина из прошлого.

И он вспомнил.

В самый первый день, когда он принёс открытки в школу, на перемене к нему подошла Ритка.

– О, незабудки! – воскликнула она, взяв одну из карточек. – Это же мой любимый цветок! Можно, я себе заберу?

Так вот почему он не знал, что *Myosotis* – это незабудка по-латински!

Повертев открытку в руках, Ритка вдруг прошептала ему на ухо.

– Слушай, Лаврик, можешь сказать Максу, что мне нравятся незабудки?

Лаврик не поверил своим ушам. Он пристально посмотрел на Ритку, а та вдруг смущённо покраснела. Впервые в жизни.

– Скажешь? – застенчиво опустив глаза, переспросила она.

Лаврик пообещал, что скажет. Он ещё долго не мог придти в себя от такой просьбы, а потом начался урок биологии, и он напрочь о ней забыл.

«Блин, я же так и не сказал Максу про незабудки! Вот растяпа!» – мысленно обругал себя мальчик. У него даже уши покраснели от стыда.

– Понравился тебе мой незабудковый нектар? – услышал он вкрадчивый голос мадам Трюффор и поднял голову.

Дама поставила пустую чашечку на стол и, притворно

вздохнув, добавила:

– Я тебя недооценивала.

Лаврик грустно улыбнулся. «Обязательно извинюсь перед Риткой, когда всё закончится», – подумал он и вдруг почувствовал странную дрожь во всём теле.

– Я смотрю, ты побледнел, мой мальчик, – с сочувствием произнесла мадам Трюффор. Взгляд её при этом оставался ледяным.

– Что со мной? – вырвалось у Лаврика. Неужели он всё-таки ошибся?

– О нет, – рассмеялась мадам Трюффор. – Это не яд. – Она взяла со стола палочку и ударила в гонг. – Тебя ждёт второе испытание. Кто следующий?

Мальчика затрясло, как в лихорадке, но он заставил себя сосредоточиться на выборе.

– Теперь Анютка, – выдавил он, и у него потемнело в глазах.

Глава 10. Анютка

Лаврик с трудом открыл глаза. Он попытался пошевелиться, но тело слушалось плохо. Руки и ноги не двигались, словно что-то приковало их к земле.

«Что со мной? – испугался мальчик. – Меня парализовало?»

Когда ему удалось с горем пополам повернуть голову,

Лаврик чуть не вскрикнул от изумления. Вокруг него, насколько хватало глаз, простиралось ровное белое поле, словно он вдруг очутился на простыне великана. Только в самом его конце угадывалось что-то вроде деревянного бордюра, огибающего полотно по кругу. С другой стороны было то же самое.

Лаврик попытался встать, но что-то острое кольнуло его в спину, и он замер.

Тут огромное полотно, на котором он лежал, пришло в движение. Оно медленно поднималось, наклоняясь под углом.

– Ой, мама! – пискнул Лаврик. Он почувствовал, что за просто скатился бы вниз, если бы что-то не держало его за спинку сюртука. Его вдруг замутило, потому что комната и предметы внутри неё показались ему непомерно большими.

Прямо перед ним возникло лицо мадам Трюффор. Оно было таким гигантским, что закрывало собой весь обзор.

– Надеюсь, у тебя не закружилась голова, мой дорогой? – делая вид, что сочувствует, молвила она. Её голос стал таким громким, что Лаврику тут же захотелось зажать уши руками.

– Что со мной? – хрипло спросил он, с трудом сглотнув.

– Ты чуточку уменьшился в размерах, – рассмеялась мадам Трюффор. – Кажется, мой незабудковый нектар тому виной.

Уменьшился?! Что за чепуха? Как это вообще возможно?! Однако оснований не верить громадному лицу дамы не бы-

ло.

– И что теперь будет? – решил уточнить мальчик. Он почувствовал, что хозяйка мастерской начала перемещаться вместе с полотном, на котором он лежал.

И тут его глазам предстала внушительных размеров швейная машинка – чёрная, гладкая с чуть изогнутым верхом и золотистым кружевным узором на боку. Похожая была у его бабули, в детстве Лаврик даже пробовал на ней вышивать. В машинку были заправлены изумрудно–зелёные нитки.

Поверхность, на которой он перемещался, снова приняла горизонтальное положение. Лаврик почувствовал резкий толчок, в ушах засвистел воздух, и он зажмурился, а когда открыл глаза, то с ужасом заметил, что меньше чем в метре от него угрожающе зависла машинная лапка. И тут он похолодел от внезапной догадки! Полотно, на котором он лежал, предназначалось для вышивания, а бордюр с краю – не что иное, как пяльцы!

– Ч–что вы соб–бираетесь делать? – дрожащим голосом спросил мальчик. Мадам Трюффор исчезла из его поля зрения, и у него появилось плохое предчувствие.

– Вышивать, что же ещё? – хладнокровно отвечала дама. Судя по всему, она возилась с маховиком – игла опустилась чуть ниже, проткнув острым кончиком белую ткань. Лаврик невольно отметил, что в таких масштабах она напоминает жало какого–то шершня–переростка.

«Нужно что–то делать», – решил он и изо всех сил дёр–

нулся в сторону. Послышался треск материи, но освободиться ему не удалось. Что-то продолжало крепко держать его. Он попробовал ещё раз – в спину снова кольнуло.

«Она меня булавкой приколола», – сообразил Лаврик. Он вдруг ясно представил себя экзотической бабочкой, пойманной в сачок коллекционера.

Перед ним снова появилось лицо мадам Трюффор.

– Итак, твоё второе испытание начинается! – торжественно провозгласила она. – Я нанесла на белое полотно три рисунка. Ты лежишь на линиях, которые относятся к двум из них. И лишь третий безопасен для тебя. – Тут она насмешливо улыбнулась: – Если, конечно, ты не увлекаешься иглоукалыванием...

У Лаврика засосало под ложечкой.

– Когда ты ответишь на мой вопрос, машинка автоматически начнёт вышивать рисунок. В случае ошибки, винить тебе придётся только самого себя...

Лаврик судорожно сглотнул.

– Какой вопрос? Что за рисунки? – прошептал он.

– О, не так быстро! – Губы мадам Трюффор растянулись в усмешке. – Одну секундочку.

Её лицо на миг исчезло, а потом перед Лавриком возник белый лист бумаги. В центре располагался рисунок, изображающий комок хаотично переплетённых линий. Мальчик нахмурился, пытаясь сообразить, что это такое, и тут до него дошло.

– Так это же перекаати–поле²!

– Ты удивительно догадлив, – кивнула дама, и рисунок тут же сменился другим. – Номер два.

Это был эскиз растения с причудливым корнем, напоминающим человека. Лаврик мгновенно его узнал.

– Мандрагора³! – воскликнул он. Это растение он видел в фильмах и много о нём читал.

– Ты прав и на этот раз.

С этими словами мадам Трюффор показала третий рисунок. Карандашный эскиз изображал удивительное дерево. Плоды на нём росли прямо на стволе! Лаврик узнал и его. В прошлом году они в школе готовили доклады о растительном мире Южной Америки. Учительница дала им целый список, из которого можно было выбрать что–то одно, но Лаврик так заинтересовался, что прочитал про все.

– Это жаботикаба⁴, – уверенно сказал он.

– Ты и в экзотических растениях силён, как я вижу, – похвалила его мадам Трюффор, но мальчик был не совсем уве-

² Перекаати–поле – травянистые растения, встречающиеся в степях и пустынях. После отмирания они собираются в шар и катаются по ветру, рассеивая семена. (Прим. автора)

³ Мандрагора – (лат. Mandragora) – род многолетних травянистых растений семейства Паслёновые. Поскольку корни мандрагоры иногда напоминают человеческую фигуру, в древности растению приписывали магическую силу. (Прим. автора)

⁴ Жаботикаба – вечнозелёное дерево, произрастающее в Южной Америке. Из плодов дерева, которые растут гроздьями на стволах, изготавливают мармелад и желе. (Прим. автора)

рен, что искренне. Он безразлично пожал плечами, при этом головка булавки больно врезалась ему в спину. Лаврик поморщился.

– Итак, вопрос! – провозгласила мадам Трюффор, и Лаврик почувствовал себя участником какой-то интеллектуальной телепередачи. Правда, в таких передачах людей не уменьшают в размерах и не прикалывают булавками. «А было бы намного интереснее», – невольно подумалось мальчику. Спohватившись, он заставил себя сосредоточиться на вопросе.

– Какое из этих растений снится нашей милой Анютке... – мадам Трюффор чуть помедлила и, выдержав зловещую театральную паузу, закончила: – ... в кошмарах?

Лаврик нервно кашлянул. «Откуда мне знать?!» – чуть не закричал он.

– Как обычно, у тебя есть целых шестьдесят секунд на размышления, – равнодушно произнесла дама. – Начинаю обратный отсчёт. Шестьдесят... – и с этими словами она перевернула ставшие теперь огромными песочные часы и поставила их на полотно рядом с мальчиком.

У Лаврика в голове поднялся целый вихрь мыслей и разрозненных воспоминаний.

С Аней они познакомились в детском саду. Она была самой худенькой и маленькой из всех, поэтому её прозвали Анюткой. Анютка отличалась богатой фантазией. Даже чересчур богатой. Как-то она потеряла тапочек и убедила се-

бя, что под её кроватью поселилось чудище, которое питается её вещами. Всюду девочке мерещились какие-то лица, которых она панически боялась. Однажды на руке она обнаружила маленькое пятнышко, и ей пришло в голову, что это чёрная метка. Девочка до самого вечера вздрагивала от каждого шороха. «У неё и обычная крапива может чудовищем обернуться!» – подвёл итог мальчик и решил действовать методом исключения.

Жаботикабу можно сразу отбросить. В ней нет ничего страшного, хотя цветы немного похожи на инопланетян.

Что касается перекаати-поля и мандрагоры, тут всё сложнее. Оба растения овеяны легендами, которые могут внушить ужас и не такой впечатлительной особе, как Анютка. Перекаати-поле похоже на ведьму, а мандрагора – на маленького злобного карлика. Он попытался взвесить на мысленных весах страх, вызываемый той и другим, но получалось не особо продуктивно.

Мальчик заметил, что во время падения очки на нём чуть перекасило. С трудом дотянувшись до них рукой – мешала булавка, он прислушался к монотонному голосу мадам Трюффор. Та досчитала уже до половины.

Кое-как умудрившись протереть очки о футболку, Лаврик снова нацепил их на нос.

И тут в его памяти ожила картина – Анютка стоит у доски, а в руках у неё цветная иллюстрация.

– Жаботикаба, или Бразильский виноград – это очень ин-

тересное дерево.

И смущённо замолкает. В классе стоит полная тишина.

– А дальше? – строго вопрошает учительница.

Анютка переминается с ноги на ногу и неуверенно говорит:

– Жаботикаба может заинтересовать любого.

Учительница раздражённо щёлкает ручкой.

– Это мы уже слышали. Аня, ты подготовила доклад или нет?

Анютка всхлипывает.

– Нет, Вероника Герасимовна, я... я не готова.

– Садись, два.

Опустив голову, Анютка возвращается на место.

– Вот так жаботикаба! – хихикает кто-то на последней парте.

Лаврика в пот бросило от этого воспоминания.

– Блин, я же не помог Анютке с докладом!

Он вспомнил, что в тот день у девочки сломался интернет, а в библиотеке был санитарный день. Он обещал позвонить ей вечером и рассказать всё, что знает о жаботикабе, но так и не сделал этого. По телевизору шла серия передач про ядовитые растения, и он забыл обо всём на свете!

«Вот так друг», – с укором подумал он. Анютка потом вообще больше не бралась за доклады. Ритка сказала, что некоторые одноклассники начали дразнить её Жаботикабой Интересной, и девочка до сих пор вздрагивает, вспоминая свой

позор.

«Надо попросить у неё прощения», – решил Лаврик.

– Твоё время истекло, – торжественно объявила мадам Трюффор.

Лаврик зажмурился и выпалил:

– Жаботикаба!

Он услышал скрежет механизма, и машинная лапка с громким лязгом опустилась, прижав ткань. Иголка мерно заходила вверх–вниз, и поверхность под Лавриком пришла в движение. Под однообразный рокот машины полотно начало покрываться зелёным узором. Были моменты, когда мальчику казалось, что до лапки осталось совсем ничего, но всякий раз траектория рисунка менялась, и расстояние между ним и иглой снова увеличивалось.

«Неужто угадал?» – осмелился подумать Лаврик, и в то же мгновение машинка остановилась. Мальчик облегчённо вздохнул.

– Осталось чуть–чуть, – оповестила его мадам Трюффор, и вновь нажала на педаль.

Лаврик с ужасом обнаружил, что его несёт прямо к лапке.

«Надеюсь, сейчас там будет какой–нибудь изгиб!», – успел подумать мальчик, прежде чем над его головой возникли два металлических «ушка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.